

Виктор СУХОРУКОВ:

«Никакой пользы от оскорблений нет!»

Все его прошлые работы поставили «тавро качества» на этом артисте: все, что делает Сухоруков, надо обязательно смотреть. Сегодня он играет в спектаклях «Лир» Владимира Мирзоева и «Игроки» Олега Меньшикова. В агентстве «Богис» Галины Боголюбовой репетирует в постановке «Человек из ресторана». В этом году снялся в фильмах «Бедный, бедный Павел» Виталия Мельникова и «Богиня» Ренаты Литвиновой. В сериале «Желанная», который скоро будет идти на канале REN-TV, сыграл Лаврентия Берие. (Причем, озвучить этот персонаж предложил грузинскому актеру!!!) Из уже несбывшегося - хотел сыграть роль Шарикова в «Собаком сердце». Из еще неосуществимого - мечтает воплотить образ Малюты Скуратова. Из объективной реальности - Сухоруков заразительный человек. Оптимизмом, задором и глубиной размышлений. Свидетелем этого стал Михаил ШАБАШОВ.

- Виктор Иванович, о стержне вашего оптимизма вы как-то сказали, что для этого надо было подняться со дна жизни. Но ведь это дано далеко не всем. Как вы думаете, правомочно ли утверждение, что люди в большинстве своем клянут свою судьбу только по той причине, что живут так, как хотят, а не так, как могут?

- Это соображение имеет право на свой закон, на свое небо и может быть хозяином судеб многих людей. Почему? Есть один промежуточный момент между дном и светом. Нулевой ли цикл, вакуум ли - каждый его может обозначить по-своему. Но это тот промежуток, который человек либо никогда не преодолевает, либо как пуля вылетит в другую атмосферу, в другого самого себя. Самое главное - поймать, почувствовать этот промежуток, найти в себе силу, волю, терпение, мужество, чтобы его проскочить. Это как космический корабль, когда он проходит последний слой атмосферы, где превращается в факел. Он горит! И когда он проходит этот этап, то продолжает великое плавание в космическом пространстве. Я думаю, что эта всеобъемлющая прослойка существует в драматических судьбах людей. Я ее проскочил, как Юрий Гагарин. Так что я считаю себя победителем. Ой, это такой большой разговор... Моя судьба так сложилась, что однажды я оказался не у дел. Был затворником, презренным изгоем с жалостью и сочувствием людей ко мне. Обо мне помнили, но меня не звали. Обо мне знали, но во мне не нуждались. Больше терпели, чем уважали. Однажды мне приснился сон, который во мне существует, как картина в Третьяковской галерее. По прямой асфальтированной дороге, возвышающейся над поверхностью земли, я иду с друзьями. И вдруг срываюсь с дороги и скатываюсь на обочину. А мои приятели продолжают идти. Я выкарабкиваюсь на это шоссе, но насыпь сталкивает меня вниз. Шеплясь за краешек асфальта, кричу ребятам, которые уже где-то на горизонте: «Стойте, погодите...». Один из них повернулся, махнул рукой, и, не сбавляя шага, они продолжили свой путь. На этом месте сон оборвался. В свое время у меня было желание мстить, взорвать и куражиться над судьбами тех моих знакомых, которые раньше были благополучны. А сегодня у многих из них биографии обрушены и темы их жизни темны. Их судьба сейчас в забвении. А я - на плаву, на виду. Пусть моя персона сегодня окружена и приятным, и дурным восприятием - мне это уже неважно. Молодость уступила место мудрости. Но я не устал. Я также продолжал удивляться миру, как и много лет назад. Это и молодой меня...

- От вас часто можно услышать убеждения такого рода: «Погодите, вы еще узнаете, какой Сухоруков хороший артист! Мои недоброжелатели еще покусают себе локти». Виктор Иванович, это такой самоотренинг для вас или все-таки есть какой-то гранитный камешек оскорбления, который в вас когда-то кто-то запустил и вы его по песчинке вымываете?

- Оскорбления не было! Было негативное

мнение у одних и убеждения у других по поводу меня. Жизнь так распорядилась, будто кто-то там вверху сказал: «Хочешь быть актером - будешь. Но тебе придется очень-очень трудно». Мои испытания начались с детства. Как только я замыслил пойти по артистической стезе, то слышал: «Ой, да какой же он артист!». Стал поступать, а мне: «Да куда ты лезешь? Кому ты там нужен? Погляди на себя, урод! Господи, туда ТАКИЕ люди поступали и не прощали, а ты чего?». Я не злился на них и не обижался. Думал: «Они не понимают, дураки. Я не просто так хочу - я буду актером!». Еще один щелчок по носу я получил в школе-студии при МХАТ. Один преподаватель сказал: «Вы никогда не будете актером». «Ну как же?» - говорю. - «Поймите, мне нужен театр!». А он: «Допускаю, но задайте себе вопрос: вы-то театру нужны?!». И это говорил человек, который должен был вдохновлять, внушать надежду и поддерживать мечты молодого человека. Учителя могут ошибаться, но они должны благословлять своих учеников! Что это за самонадеянность? Учитель не имеет права быть нарциссом в своем деле. Когда поступал в ГИТИС, то в спину слышал: «Ой, да не поступи он никогда». Когда стал студентом: «Фи, главное - не поступить, а закончить». Заканчиваю с четверками и пяттерками и вердикт: «Ну, закончить - это фигня. Теперь поедет в какие-нибудь Тютюши...». А я еду в Ленинград! И все время жизнь складывалась так, что судьба моя - это одно, а окружающий мир, общество - совсем другое. Как будто меня не принимают! Многие мои друзья и подруги разбежались. В театре вот выгнали за пьянство. Пили все. Со мной и без меня. А выгнали Сухорукова. И тут начался «перекос моей жизни». Со мной здоровались «через губу», стали считать, что я плохой артист. Я понимал, что доставляю много неудобств людям, но все же думал: «Где же вы, мои товарищи? Ну погодите, вы меня рано списываете!». И это меня закаляло. Но были в то время и люди, которые относились ко мне с добром, любовью и уважением к моему таланту. Их мир не знает, они люди незначительные, но я обязательно про них когда-нибудь напишу, если будет такая возможность. Например, Лидия Николаевна Харламова, учительница из моего родного Орехова-Зуева, которая до сих пор служит в народном театре. Она благословляла все мои желания. И я шел упрямо, настырно, как маленький скорпиончик, задрав жало. Сегодняшний Сухоруков - это результат влияния таких людей. Сегодня я совсем не тот, каким воспитали родители, каким служил в армии и учился в институте... Я совсем другой - удачливый, свободный, счастливый, талантливый. Я никому ничего не должен, никого не обижая. Я успокоился и перестал что-то кому-то доказывать после «Бедного, бедного Павла». А до этого фильма я все время как будто был на творческих рапирах с моими оппонентами.

- Поразительно это слышать от вас после того, как сыграли уже столько ролей... А тех друзей, которые «ушли за горизонт без вас», вы простили?

- Обязательно! Я их благословляю на удачу. Желая им светлого пути, чтобы их тропинка между домом и театром расширилась, чтобы их дорожка протянулась в кино, на телевидение и радио, за границу. Пусть они оставят свой след в истории.

- Хочу остановиться на одной из граней вашего актерского таланта. Совершенно драматические моменты вы можете показать так, что они вызывают смех, хотя четко понимаешь, что это несовместимые вещи. Но после, осознавая суть происходящего, задумываешься об этих моментах гораздо глубже. Таким образом, получается совершеннейший нонсенс: смех усиливает трагедию. Это ощущение я испытывал, только когда читал прозу Бориса Васильева. Вы думали о таком сочетании несочетаемого?

- Это замечательное сочетание! Если бы остаток своей жизни я прожил под этой формулировкой, я был бы счастлив. Потому что вся жизнь во многих своих проявлениях - трагикомична! Любую роль, которую репетирую, я пытаюсь прокрутить в ракурсе терпкого соединения смешного и грустного. Даже если будущие роли не потребуют такого подхода, я сам буду их додумывать в таком духе. Равенская ведь многие свои роли сама досочиняла... И она для меня - авторитет на всю жизнь. Как и Чаплин, и Никулин, и Енгибаров...

- Виктор Иванович, у вас есть своя «лениниана». Образ Владимира Ильича вы воплощали и в театре, и в кино, и на телевидении. Чего стоит одна «Комедия строго режима»? А кто первый в вас открыл схожесть с этой исторической личностью?

- Мой товарищ, Володя Студенников, который был у Юрия Мамина вторым режиссером в картине «Бакенбарды». Мамин его спросил как-то: «Хочешь снять сам фильм?». Он согласился и решил сделать «Комедию строго режима» по Довлатову, где роль заключенного, играющего Ленина, была предложена мне. Тогда я уже был лысый. Хотя много-много лет назад, на втором курсе института, когда я был еще чаубатый, мой одноклассник, Андрей Калашников, сказал: «Ой, Сухоруков, играть тебе Ленина!». И как он это дело разглядел?! Последний раз я сыграл Владимира Ильича в картине «Все мои Лени-

ны», которую сняли в Таллине в 1998 году. Там я прикладывал все усилия, чтобы над моим героем не издевались так, как было заявлено в сценарии. Но после этого фильма я сказал себе, что больше играть Ленина не буду...

- Политика - это тоже игра. Как вы относитесь к тому, что сейчас разные партии и движения приглашают быть в своих рядах известных артистов и певцов?

- Плохо. Потому что шут не должен быть политиком. А актеры - это шуты, скоморохи и лицедеи. Быть при короле, при политике - это я допускаю. Когда певцы поют на банкетах, обслуживают тусовки, конференции и съезды - это нормально. Но не более.

- А что это за фильм Виталия Максимова, в котором вы предстали в образе Мандельштама?

- Виталий придумал телевизионный публицистический цикл документальных фильмов под названием «Серебро и чернь» - о поэтах серебряного века. Ведущий цикла - Лев Аннинский. Там - Хлебников, Цветаева, Ахматова, Маяковский, Есенин... Одна из серий посвящена Осипу Мандельштаму. Максимов предложил мне сыграть как бы посланника из нашего времени, который олицетворяет этого поэта в сегодняшнем дне. Фильм сделан очень любопытно. На хронику наложен научный комментарий Аннинского, а я как бы за Осипа Эмилевича посещаю те места, в которых он бывал в своей жизни. Самое прекрасное - это то, что за кадром я читаю его стихи. Это было счастье! Когда мне показали готовый материал, я был потрясен чтением Сухоруковым стихов Мандельштама. Миша, публично я никогда не читал стихов! Я очень доволен этой работой, жду не дожусь, когда это выйдет в эфир. Обещали показать по каналу «Культура»...

- Виктор Иванович, как вы выходите из ситуации, если какой-нибудь спектакль или фильм вам не понравился, а артисты, участвующие там, интересуются вашим мнением?

- Я коллег своих никогда не расстраиваю и расстраивать не буду, потому что знаю: даже за неудачей стоит огромный труд, терпение и муки. Я никогда не скажу, что где-то что-то плохо сделано. Могу сказать как-то обтекаемо, но ругать никогда не буду, потому что это неправильно. Вот когда вышел «Лир», то критика таким катком прошлась и по Мирзоеву, и по Суханову, и по Сухорукову, что кто другой или записал, или повесился бы. А я фигу зажал - это их хлеб, а у меня своя дорога. Суть в том, что от ругани и оскорблений пользы-то нет никакой! А если ее нет, то все эти статьи - жидкие блины.

- Вы отдыхаете в Карелии. Как вы ее открыли для себя?

- У меня там друзья живут, которые туда попали по распределению. Еще во времена перестройки я поехал в Карелию отдохнуть, и обнаружил, что там огромное количество грибов. И с тех пор почти каждый год я туда езжу. Ой, там потрясающая красота! На той базе отдыха, где я всегда бываю, даже есть комната Сухорукова. Открою секрет - в Карелии такое сочетание воды, сосны и воздуха, что 10 дней пребывания там заряжают меня на весь год. Бывало, что я не мог летом туда поехать, и мои «батареи» в марте уже разряжались.

- Мои знакомые поклонницы Сухорукова попросили задать вам вопрос касательно личной жизни...

- У меня нет нормированного бытового существования. Нет семьи, как таковой. Но влюбчив. И это навредило в свое время. Влюблялся часто, безответно, добавляя себе сложностей в жизни... И рыдал в подушку, и шлеялся по ночам под окнами. Все было. Сейчас я не пью (вообще!), не курю, собираю грибы, чистолютен, аскетичен...

- Ну, прямо брачное объявление...

- Может быть... Это глубокая тема, говорить о которой я пока не готов. Меня уговаривают написать книгу. Но ведь это значит, надо сказать правду о своей жизни, о тех, с кем сталкивался. Ведь мы умрем, а книга останется. И я не должен вводить в заблуждение читателей. Политики могут врать, историки могут домысливать, а я не имею на это право. Но у меня есть темы, которые я пока не имею права поднимать, ибо есть понятие карьеры, ответственности перед теми людьми, которые живут и здравствуют. Сколько актеров уже написали свои мемуары! А что пишут-то? И не стыдно ведь... А сегодня писать правду я не имею права. Мы и так коротко живем. А грусть, досада, озабоченность - они очень угнетают человека. По себе знаю. Мы людям нужны светлые, жизнеутверждающие, интересные, азартные, обязательные. Пусть даже лже-, но благополучные! А когда человек скулит, ноет, канючит, гундосит - кому он нужен? Мы посочувствуем, пожалеем, дадим рубль займы и - бегом от него!

- Представьте себе такую фантастическую вещь: вы слышите голос, который говорит: «Раб Божий Виктор, у тебя есть возможность дать совет человечеству». Чтобы бы вы сказали?

- (Ни секунды не раздумывая) Не бойтесь умирать. Я все больше чувствую эту тему, потому что сегодня мне 52 года, возраст, в котором ушла из жизни моя мать. Сколько есть неожиданных уходов! В моей биографии последний такой пример - Сергей Бодров-младший. Он настолько ушел неожиданно, мистично, знакомо... Масштабный, литературный финал. Ужас. Но мы родились все не для того, чтобы остаться, а для того, чтобы уйти. Ни одна религия мира не знает, что ТАМ есть. Но там нас больше! Там - все, начиная с Сократа, скажем. И я хочу с ними встретиться. Это меня успокаивает. Мне важно, в каком месте у меня будет могила, в каком костюме меня похоронят, потому что это я еще могу осознавать. А дальше - тишина...